

18+

ОЛЬГА ВЛАСОВА

Маня
ПОВЕСТЬ

Ольга Власова
Таня. Повесть

«Издательские решения»

Власова О. И.

Таня. Повесть / О. И. Власова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740934-0

Приглашение прочитать «Таню»: Алябьев неслышащей слух подарил, И Пушкин незримо как автор там был, Была там и радость, и рядом печаль, А Таня взглядеться должна была вдаль... И будут подруги, и будут друзья, Всегда же родная поддержит семья. Чтоб мир весь увидеть, его же принять, Чтоб позже не Таней — Татьяною стать...

ISBN 978-5-44-740934-0

© Власова О. И.
© Издательские решения

Содержание

1. Дома	6
2. Болезнь	9
3. Юля	12
4. Уныние	15
5. Мечта	19
6. Блин комом	22
7. Первая любовь	27
8. Потоп	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Таня

Повесть

Ольга Ивановна Власова

Наталья Сергеевна Шахназарянц *Дизайнер обложки*

© Ольга Ивановна Власова, 2020

© Наталья Сергеевна Шахназарянц, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-0934-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Дома

В прихожей сидела девочка лет тринадцати, о чем-то задумавшись.

Она сняла один сапог и держала его в руках.

– Что-то случилось? – спросила ее мать, выглянув из кухни.

– На улице проливной дождь.

– Погода явно не рождественская.

Уже в комнате, девочка закуталась в теплый плед, легла на диван и, закрыв глаза, попыталась заснуть.

– Снова заболеваешь, Тань? – спросила мать. – Как ты умудряешься из одной болезни плавно перетекать в другую?

– Горло болит, а ты еще на меня ругаешься. – жалобно произнесла девочка с темными волосами по пояс и длинной челкой.

– Пойду траву заварю. – со вздохом ответила высокая стройная женщина.

«Почему я постоянно болею? – думала Таня. – Вон Наташка Селиверстова и мороженое в холод трескает, и на улице раздетая бегаёт, и хоть бы чихнула...»

– Пока таволга настаивается – морс попей. – сказала Анастасия – мать девочки.

– Не могу. Глотать больно и голову как – будто обручем сдавливают. – недовольно произнесла Татьяна и отвернулась к стене.

– Тань. – произнесла мать. – Что я тебе плохого сделала?

– Ничего. – неохотно ответила дочь, снова повернувшись к женщине.

– Почему же ты тогда со мной так разговариваешь? – покачала головой та.

– Ну прости, мам. – высунув руку из-под пледа и погладив женщину по плечу, произнесла девочка. – Не буду больше.

– Хотелось бы верить. – ответила Анастасия.

Кряхтя и бормоча что-то себе под нос, Таня, морщась, выпила всю чашку теплого морса.

– Мам, вот почему я такая невезучая? – устраиваясь поудобнее, спросила она.

– Почему это ты такой вывод сделала? – поинтересовалась женщина.

– Конечно. – тяжело вздохнув, ответила девочка. – Болею часто и друзей у меня не так много.

– Разве это невезение? – удивилась Анастасия.

– А разве везение? – подняв удивленно одну бровь, переспросила та.

– Мне не нравится вообще это слово. – пожав плечами, сказала женщина. – Я понимаю, что нет хороших или плохих слов. Просто, если попытаться разобраться с понятием везение, то получается что это череда случайных обстоятельств.

– Вот у других обстоятельства складываются, а у меня нет.

– Что же хорошего в том, что вся твоя жизнь зависит от случая?

– А что плохого?

– Это твоя жизнь. – объяснила мать. – И лучше распорядиться ею самой.

– Как я могу решить, – удивленно спросила дочь, – болеть мне или не болеть?

– Конечно, по мановению волшебной палочки это не произойдет, – продолжила женщина, – но внимательно относиться к своему здоровью и делать выводы можешь только ты.

– Как на это смотреть, если мне болеть совсем не нравится, а я продолжаю это делать?

– Зато ты уже сама знаешь какую травку для полоскания заваривать. – улыбнулась мать.

– Это, конечно, очень важно. – с усмешкой произнесла девочка.

– Вот родится у тебя когда-нибудь малыш, а ты уже знаешь, чем его горлышко лечить.

– Можно в инет залезть и отсмотреть информацию. – закусив губу, ответила Татьяна.

– Только в инете тоже надо не всей информации верить. – пожала плечами Анастасия. – И с каких это пор ты стала думать, что если часто болеешь, то чем-то хуже других.

– А что нет? – чуть не плача ответила девочка. – Вот другие и на коньках, и на лыжах.

– Тань! – расхохотавшись, воскликнула женщина. – Совесть имей! Какие коньки и лыжи? Ливень за окном.

– Водные. – проворчала девочка.

– Я так и поняла. – ответила та. – Зато ты можешь как никто другой понять другого человека, который чем-то болен. – погладив дочку по голове, сказала Анастасия.

– Это все могут делать. – убежденно ответила Татьяна.

– Нет не все. – спокойно ответила женщина. – Если человек отличался всегда отменным здоровьем, то ему трудно понять что такое боль. Правда, есть люди, которые все это могут себе представить и почувствовать. Но это очень творческие натуры, про которых говорят, что они живут без кожи.

– Как это? – удивленно спросила девочка.

– То есть пропускают все через себя. – ответила мать. – Так жить безумно тяжело, но это удел великих актеров, художников и поэтов.

– А что у других нет шансов быть такими же?

– Все люди в чем-то талантливы, но все обладают этими способностями в разной степени и уж немногие хотят работать над собой, чтобы развить это. Ведь на самом деле человеческие возможности безграничны. И нужно только понять что развивать и в какую сторону. Вот ты считаешь, что несчастна от того, что постоянно болеешь? А как же быть тем людям, которые появились на свет с теми или иными недостатками?

– Мам, ну мы же говорим о нормальных людях. – надув губы, произнесла Татьяна.

– Нормальные? – удивленно переспросила женщина. – Танюша, солнышко! Объясни мне, что такое нормальные люди?

– Мам! – воскликнула дочка. – Не усложняй, пожалуйста. Нормальные это обычные люди.

– Обычные люди это кто? – продолжала допытываться мать.

– Ну такие как мы с тобой. – пожимая плечами, неуверенно ответила девочка.

– То есть люди без видимых физических недостатков? – приподняв правую бровь, с иронией спросила Анастасия.

– Наверное.

– А как же тетя Юля?

Разглядывая угол пледа, девочка вспомнила свою крестную, которая оглохла еще в раннем детстве и была ведущей актрисой театра для глухих.

– Мам, а тяжело, наверное, ничего не слышать? – вздохнула Татьяна.

– Думаю, что очень. – кивнула головой та.

– Интересно, а если бы можно было это исправить, то она осталась бы так же актрисой или выбрала себе другую профессию?

– Если в человеке заложено творческое начало, то оно должно в любом случае проявиться. – пожала плечами мать. – Она спрашивала меня что такое музыка.

– Смогла ты ей что-то объяснить?

– Однажды, на даче мы пошли за земляникой. – начала свой рассказ женщина. – Солнце только просыпалось, а трава была мокрая от росы. Утренняя прохлада была нам только на руку, потому что, чтобы не быть искусанными комарами нам пришлось выбрать одежду, которая могла нас хоть немного защитить от этих кровососущих. Это были кофты с длинными рукавами, джинсы и резиновые сапоги.

– А вы что спрей от комаров не взяли? – удивилась девочка.

– Взяли, конечно. – ответила мать. – Но как потом оказалось, лучше бы мы его не брали.

Татьяна удивленно посмотрела, но промолчала.

– Когда мы подошли к лесу, то Юля, не привыкшая к долгим пешим прогулкам, уже запыхалась и просила где-нибудь присесть, чтобы перевести дух. Я пообещала ей, что как только мы найдем подходящую поляну, то сразу же это и сделаем. Стараясь далеко не углубляться в лес, чтобы не заблудиться, мы все же скоро нашли то, что искали. Высоченные сосны плотной стеной стояли кругом, а солнечные лучи, скатившиеся по ним вниз, переливались всеми цветами радуги на покрытой росой траве. Посередине этой тайной лесной комнаты лежала старая, но еще не совсем трухлявая ель. Мы удобно расположились на поваленном дереве и огляделись. Роса начала испаряться, превращаясь в белый туман, который медленно поднимался от земли, мягко обволакивая каждый ствол дерева вытянувшийся в струнку. Юля вдруг вскочила, подбежала к сосне обняла ее и прижалась к шершавой коре щекой. Закрыла глаза и стояла так некоторое время. Потом посмотрела на меня и сказала, что слышала, как поет это дерево. Я не поверила и подошла, чтобы убедить ее в обратном. Приложив ладони, к своему удивлению я почувствовала, а потом и услышала тихую глубокую мелодию, которая шла из сердцевины.

– Разве можно слышать кожей? – недоверчиво спросила дочка.

– В каждом правиле обязательно бывают исключения. – объяснила мать. – Кроме ушной проводимости существует еще и костная. Мало из людей ею пользуются, но я видела девочку, которая слышала именно так. А тем более мы же слышали необычную музыку.

– Как же дерево могло петь? – не унималась Татьяна.

– Я плохо знаю физику, и вряд ли точно смогу объяснить тебе что происходит, когда дерево сверху нагревается, а внутри у нее оттаивает промерзшая за ночь сердцевина. Хочется просто сказать, что природа подарила Юле шанс услышать музыку леса, чтобы она смогла понять новую роль про принцессу, которая любила петь.

– Этот вывод мне тоже больше нравится. – согласилась девочка. – А что же было с комарами?

– Ой. – рассмеялась женщина. – У нас возникло чувство, что это спрей был не от комаров, а для привлечения насекомых. Как только мы обработали себе открытые участки тела, то тучи кровососущих облепили нас с головы до ног. И поэтому в тот день мы убежали из леса с пустыми руками.

– Ну и ладно. – махнула рукой Татьяна. – Зато Юля смогла услышать музыку.

– Конечно. – кивнула женщина. – Это гораздо важнее ягод. А сейчас выпей травку и полежи с закрытыми глазами.

Девочка, не морщась выпила горьковатый настой, и, завернувшись в плед как в кокон, мгновенно заснула.

Пахло летом и разогретой хвоей. Деревья сначала активно о чем-то перешептывались между собой. Невидимый дирижер взмахнул солнечным лучом, и все замерло. Вскоре начался удивительный концерт. Юля, одетая в шелковое бирюзовое платье, под лесной аккомпанемент исполняла чудесный романс Алябьева, а Таня была единственным и главным зрителем этого удивительного действия. Она сидела на поваленном дереве и мечтала, чтобы этот прекрасный сон длился, как можно дольше.

2. Болезнь

Ночник тускло освещал полузатемненную комнату, и было не понятно, был ли это поздний вечер или раннее утро.

В горле что-то скрипело и казалось, что внутри его чистят наждачной бумагой.

– Сколько время? – прошептала Татьяна маме, которая заглянула в проем.

– Восемь утра. – ответила та и протянула ей градусник. – совсем плохо? – огорченно спросила она у дочери.

Таня тяжело вздохнула и развела руками, показывая, что не может говорить.

– Слушай, а мне ж на работу сегодня. – вздохнула женщина. – Позвонить, что я не приду или бабушку попросить, чтобы пришла?

Девочка удивленно посмотрела на мать.

– Что ты так удивленно на меня смотришь? – поинтересовалась та. – Ты ж болеешь, а врача вызвать надо, чтобы справку для школы взять. Ты ребенок и не можешь впускать одна чужого человека в дом.

Таня поморщилась и покачала головой.

– Не хочешь чтобы бабушка приходила?

Девочка тут же утвердительно кивнула.

– Так мне на работу не ходить? – вздохнула мать.

– Иди, – шепотом выдохнула девочка и махнула рукой в подтверждение.

– Ну, а как же? – всплеснула руками женщина. – Может врача завтра вызвать? Она ж знает, что мы просто так не прогуливаем.

Девочка выдавила из себя подобие улыбки и вернула матери градусник, даже не взглянув на него.

– Тридцать семь и пять, – произнесла женщина, – и это утром.

Девочка накинула сверху халатик и вышла из комнаты.

– Может Юле смску кинуть? – задумчиво произнесла мать и оглянулась, разыскивая свой телефон.

Вскоре девочка вернулась.

– Я Юле смску послала. – сообщила ей женщина. – Ты траву там выпила? – взглянула она на дочь.

Та обреченно кивнула головой и непроизвольно вздрогнула.

– Противная? – вздохнула мать.

Таня развела руками и, стянув с себя халатик, снова забралась под одеяло.

– Тебе чаю принести сюда?

Девочка равнодушно посмотрела на мать и, вздохнув, кивнула.

– А если Юля сможет, то вызвать на сегодня врача или лучше чтобы и я дома была? – пододвигая ногой стул, чтобы поставить на него поднос с термосом и мандаринами, обратилась к Тане мать.

Девочка укоризненно посмотрела на женщину и потянулась за телефоном.

– Да, я пристала? – всплеснула руками женщина. – потому что мне уже нужно убежать.

Таня села на кровати и красноречиво махнула обеими руками в сторону.

– Спасибо, конечно, что ты меня отпускаешь, – в ответ произнесла женщина, – и прямо указываешь направление, но мне будет спокойнее эти вопросы решить именно сейчас.

Девочка громко вздохнула и, сев по-турецки, обреченно посмотрела на женщину.

– Хорошо, – развела руками та, – завтра сама вызову. А вот и Юля. – услышав сигнал, оповещающий, что пришла смска, добавила она. – Она сегодня как раз свободна и могла бы составить тебе компанию.

– Я спать буду целый день. – яростно прошептала девочка.

– Спи. – пожалала плечами мать. – Юля хоть приготовит что-нибудь. – отводя взгляд в сторону, сказала женщина. – Мне... – объяснила она улыбнувшись.

Таня тяжело вздохнула, подняла руки сначала вверх, а потом обхватила ими голову.

– Упс... – прикрыв ладонью рот, чуть усмехнулась женщина. – Уже ушла. А ты телефон пожалуйста включи так, чтобы смски могла слышать и звонки.

Девочка прищурила глаза, ничего не ответила, и демонстративно положила рядом с термосом телефон, ткнув в него указательным пальцем.

– ААалично! – пропела мать и, поцеловав дочь в макушку, вышла из комнаты.

Таня снова вздохнула, и, поправив себе подушку, легла, свернувшись калачиком.

– Ты точно можешь остаться одна? – снова вернулась женщина.

Таня открыла один глаз и молча смотрела на нее.

– Я знаю, что я приставучая. – развела руками та. – Но у меня не много дочек, а только одна. – иронично добавила она. – Я ж люблю тебя, и всякий раз переживаю. – вздохнула она и снова поцеловала дочь.

– Юля написала, что приедет через час. – Ей надо учить какие-то стихи к какому-то конкурсу, вот она здесь и поучит. Может тебе морса купить?

Девочка только поморщилась.

– Совсем-совсем ничего не хочется? – продолжала допытываться мать.

Таня обреченно вздохнула и чуть качнула головой.

– Спать хочется. – с усилием прошептала она.

– А Юлю ты услышишь? – продолжала беспокоиться женщина.

Таня кивнула.

Анастасия, чтобы успокоиться, позвонила со своего телефона на телефон дочери, и, услышав громкий звук, сбросила звонок.

– Хорошо. – подвела итог она. – Телефон у тебя включен, если даже не услышишь звонка в дверь, то я тебе буду звонить.

Девочка прикрыла глаза.

Женщина взяла со стола сумку, достала из комода зонт и вышла из комнаты.

Таня лежала с закрытыми глазами и сначала прислушивалась к тому, что делала мать в прихожей, но потом почувствовала, как начинает засыпать. Ей казалось, что она видит себя со стороны и может даже пройтись по всей квартире, но у нее почему-то это не выходило, и ее обзор был ограничен только габаритами этой комнаты. Она начала рассматривать узор на обоях, которые были куплены, когда была жива еще бабушка и, вспомнив об этой детали, она взглянула на ее портрет, который висел напротив дивана.

«Как же хорошо было, когда была бабушка жива. – думала Таня. – сейчас бы она пришла и посидела со мной. Пирогов напекла с яблоками и плюшек с сахаром. Она была такой теплой, что я сейчас сразу бы от нее согрелась. Сели бы рядышком и она обняла меня своими теплыми руками и можно было задремать у нее на плече.»

Тане казалось, что она смотрит какой-то двойной сон, в который может контролировать все со стороны и ей хотелось подойти к картине, чтобы дотронуться до нее, но почему-то этого не происходило, и она продолжала топтаться на одном месте.

«Что же это такое? – не могла понять она. – Почему я только с одного места могу все рассматривать? Сплю я или не сплю, и как можно во сне сама с собой разговаривать?»

По подоконнику тихо шуршал дождь, и казалось, что он о чем-то говорит.

О чем рассказывал дождь Татьяна никак не могла расслышать, и поэтому снова посмотрела на портрет любимой бабушки. Она рассматривала черты еще достаточно молодой женщины и вспоминала, что такую она не помнит, а помнит теплые полноватые руки, волосы с проседью и любимое лицо с морщинками у глаз. Ей так захотелось прижаться к этому родному

человеку, но она точно помнила, что та умерла, и сделать ей этого не удастся. И даже сон во сне не поможет ей в этом.

«Раньше она мне чаще снилась, а сейчас почему-то никак не могу встретиться с ней во сне.» – огорченно подумала девочка. Она снова посмотрела на портрет женщины, которая по-доброму смотрела на нее, но в комнате стало прохладнее и от этого она начала замерзать.

«Чаю бы. – думала она во сне. – Очень хочется горячего чаю, чтобы согреться.»

Не просыпаясь, девочка привстала с кровати, дотянулась до стула, на котором висел плед, взяла его, и набросила его сверху одеяла.

«Холодно. Холодно.» – продолжала думать она во сне.

Через какое-то время в комнате стало теплее, и девочка, согревшись, провалилась в глубокий сон.

И любви не бывает краше,
И любви не бывает чище,
От людей тех, кто станет старше,
И мудрей, и по жизни красивей.

И не все кто стареет – мудрый,
И не все кто роднее – ближе,
Но бывают прекрасны люди,
И от них веет чем-то близким.

И любовью согреться можно,
И расти ведь она помогает.
Тем кто старше, и кто моложе,
Нужно, чтобы ее хватало.

3. Юля

«Сосед, снова этот сосед что-то сверлит, – думала Таня, даже не пытаюсь открыть глаз. – И почему в будний день он не на работе? Даже поболеть спокойно не дают.»

В это время зазвонил телефон и девочка, так и оставаясь в полудреме, взяла трубку. Это звонила мама, которая сообщила, что приехала Юля и ждет, когда ей откроют.

Таня с усилием открыла глаза, потом поднялась, и, изредка касаясь рукой стены, пошла к входной двери.

– Ты чего раздетая? – укоризненно посмотрела на нее девушка, когда девочка впустила ее.

– Сплю. – просипела та, и, чуть покачиваясь, прошла в туалет.

– Я малиновое варенье привезла. – раскрывая зонтик, чтобы он высох, сообщила Юля.

Таня только мотнула головой и, ополоснув руки, прошла на кухню.

– Пить. – прошептала она.

– Чай? – предложила девушка, которая уже разделась.

– Сейчас воды. – жалобно посмотрела на нее Таня.

– Совсем заболела. – погладила ее по голове гостя, и налила в стакан воды. – У соседей ремонт?

Девочка только пожала плечами.

– Еще? – предложила девушка, когда Татьяна все выпила.

Та чуть потянулась, задумалась на секунду, и потом все-таки кивнула утвердительно.

– Бедная. – гостя погладила теперь по плечу девочку, которая сидела с пылающими щеками. – У тебя же температура! Надо лечь! – скомандовала она.

Татьяна взглянула на нее, послушно поднялась и отправилась к себе в комнату.

– Чай тебе сделать? – осматривая импровизированный туалетный столик, поинтересовалась девушка.

– Можно. – прошептала та.

– А пирожные будешь?

Татьяна поморщилась.

– Лучше носовые платочки из комода достань. – попросила она.

Юля достала упаковку бумажных платочков и положила на стул рядом с мандаринами.

– А еще что болит? – посмотрела она на девочку.

– Знобило очень. – еле слышно прошептала крестница.

– Ты совсем без голоса. – покачала головой Юля. – Можно аппараты снимать, и так с тобой разговаривать. – пошутила она.

– А если я усну, и кто-нибудь позвонит? – выдавила из себя девочка. – Я помню, как на даче у тебя батарейки сели, и ты метаться от этого стала. – попыталась улыбнуться в ответ Таня.

– Не могу без аппаратов. – кивнула гостя. – Как-будто в бочке.

– Так что лучше не выключай. – махнула на нее рукой девочка.

– А дрель очень неприятно слышать. – Юля вздрогнула, когда послышался навязчивый звук.

– Соседка недавно купила квартиру. – выразительно посмотрела на собеседницу Татьяна.

– И так целый день? – попыталась прояснить обстановку гостя.

– По-разному. – пожала плечами хозяйка. – Ее мы не видели, но дрель слышим постоянно.

– Как же я стихи учить-то буду? – огорченно произнесла Юля.

– Может повезет? – подняла указательный палец вверх Татьяна, прислушиваясь к внезапно наступившей тишине.

– Может. – согласилась Юля, наливая из термоса чуть остывший чай в чашку. – Варенье в чай положить или так будешь? – обратилась она к Татьяне.

– В блюдечке. – хитро улыбнулась та.

– Сейчас все принесу. – пообещала девушка и вышла.

«А все сейчас в школе, – с ехидцей подумала девочка, – тест какой-нибудь пишут. А я чай с малинкой буду пить. Хотя с другой стороны, лучше бы я тест писала, а не лежала навзничь, потому что у меня кружится голова.»

– Малина. – сообщила девушка и поставила на поднос блюдо.

– Голова кружится. – положила себе на лоб ладонь Таня.

– Тебе покушать надо. – посмотрела на нее с укором девушка. – Одни глаза торчат.

– Неее. – помотала головой та. – поспать надо.

– Чай попей, а потом спи. – скомандовала гостья. – Настя сказала, чтобы я за тобой смотрела.

– Мама тебе еще не то наговорит. – буркнула недовольно девочка, которой не нравилось, когда Юля с мамой начинали действовать против нее сообща. – Договорились за моей спиной. – ворчала она.

– Мы тебе добра желаем! – всплеснула руками девушка. – А ты капризничаешь как маленькая.

Таня, продолжая беззвучно что-то говорить, взяла блюдо и все варенье оттуда бухнула себе в чашку с чаем, потом размешала ложечкой и выпила, не морщась, этот приторный напиток.

– Еще? – кивнув на пустое блюдо, поинтересовалась Юля.

Девочка помотала головой и легла, натянув до самого носа одеяло.

– Засыпаешь? – гостья дотронулась до горячего лба Татьяны.

Девочка ничего не сказала и тут же закрыла глаза.

Юля поправила одеяло и, захватив коробку с пирожными, которые она принесла, вышла.

В квартире было тихо и можно было наконец немного передохнуть после дороги, и выпить чашку чая.

– Хотела с крестницей почаевничать, а придется с Федором Ивановичем Тютчевым. – развела руками она и достала свой телефон. – Надо выбрать три стихотворения для поэтического вечера. – Юля сморщила нос. – Что-то рождественско-святочное искать или можно какими-то проникновенными стихами обойтись? Вот не люблю я про любовь читать. Когда роль, так это понятно кто кому и куда, а если вечер? Кто кого любит и как зрители это все слушают? – молодая девушка вздохнула, налила чаю, положила эклер на тарелочку и уткнулась в телефон.

Через два часа на пороге кухни появилась Татьяна с всклокоченными волосами, которая куталась в халатик.

– Вся мокрая как мышь. – еле слышно произнесла она и попросила, чтобы Юля принесла ей сухую ночную рубашку.

– Любую?

Девочка передернула плечами, кивнула и скрылась в туалете.

Юля подошла к шкафу, открыла дверцы и присела на корточки, чтобы выбрать нужную вещь из ящика для нижнего белья. Недолго перебирая, она взяла первое, что ей попало на глаза, и вернулась обратно.

– Ты там не спишь? – постучала она в дверь туалета, откуда не доносилось ни звука.

Оттуда послышался какой-то сип.

– Не спишь. – уже утвердительно произнесла девушка. – Я тебе все на ящик в ванной положу. – громко произнесла она.

Из туалета не донеслось ни звука.

Юля зашла в ванную комнату и, положив белье, сразу вышла, чуть не столкнувшись с девочкой, которая уже входила туда.

– Ты может и мокрая как мышь, но ходишь бесшумно как кошка. – вздрогнула от неожиданности гостя.

Татьяна молча развела руками и закрылась в ванной.

– Только в душ не лезь, а то еще больше заболеешь. – постучала ей в дверь Юля, вспомнив, как ей самой всегда хотелось это сделать, и как однажды она все-таки так сделала, и еще больше разболелась.

Не дождавшись ответа, девушка снова прошла на кухню, включила чайник и села дожидаться крестницу.

Ждать ей пришлось недолго, потому что Татьяна, как только переоделась, так сразу и вышла.

– Ты что голову мыла? – зашипела на нее Юля, которая только что предупреждала девочку не принимать водных процедур.

– Голова вся мокрая. – передернула плечами Таня. – надо посушить.

– Чаю сделать? – поинтересовалась гостя, поднимаясь, чтобы взять чайник.

– От твоего чая с малиной с меня пот ручьем. – криво усмехнулась девочка. – Я бы сейчас бульончика попила. – задумчиво проговорила она.

– Бульончика? Ты? – переспросила Юля. – Ты хочешь бульона из курицы? – не поверила она услышанному.

– Когда болею, мама варит. – объяснила шепотом девочка. – Посмотри в морозилке. Обычно мама маленькими кусочками режет курицу и в морозилке всегда есть.

Девушка пошла к холодильнику и на самом деле обнаружила там замороженные кусочки курицы.

– Сварить? – достала она один и показала девочке.

Та мотнула головой.

– Если ты будешь, то на себя тоже доставай. – прошептала девочка. – Только я бульон буду, а курицу нет.

– Даааа... – не выдержала и рассмеялась гостя. – Сильный из тебя едок. Бульон из-под курицы выпить, а саму курицу выбросить.

Таня поморщилась и показала Юле язык.

– Ай-яй-яй! – всплеснула руками та. – Такая большая!

– А я говорить не могу, а ты пользуешься! – прошептала та.

– Хорошо-хорошо. – улыбнулась Юля. – Курицу придется есть мне. Настя тоже ведь не есть мясо.

Девочка только кивнула и жестами показала, что отправляется в комнату.

– Сейчас поставлю кастрюлю и приду.

4. Уныние

Когда Юля вошла в комнату, Таня сидела на кровати с высушенными волосами и чистила себе мандарин.

– Будешь? – беззвучно предложила она девушке.

– Слушай, а в бульон можно морковку положить? – внимательно посмотрела та на девочку.

– Даже лук! – Татьяна улыбнулась. – Если ты все это будешь сама есть. Мне одну водичку. – уточнила она.

– Привереда. – фыркнула на нее Юля и вышла из комнаты.

Не успела девочка доесть свой мандарин, как гостья уже вернулась и начала двигать кресло, чтобы сесть напротив. Как только она устроилась, Таня взглядом предложила ей фрукты.

– Ну, давай. – согласилась та и взяла уже очищенный мандарин. – Как ты? – поинтересовалась она у девочки ее самочувствием.

– Лучше. – выдохнула та. – Температура видно спала.

– Надо больше пить!

– Потом. – отрицательно покачала головой Таня. – Дай передохнуть. Хоть сухой посидеть. – усмехнулась она.

– Ой, тоже не люблю, когда болеешь и вся насквозь мокрая. – передернула плечами Юля. – А я, пока ты спала, все стихи пыталась найти....читала-читала, так ничего пока и не выбрала. Там поэтический вечер в моей бывшей школе будет, а меня как местную знаменитость пригласили хоть что-то прочесть.

– Рождественские стихи? – переспросила девочка.

– Да, тема любая, только вечер посвященный Плещееву. У них каждый год разных поэтов берут.

– Взяла бы любые, да и выучила. – пожала плечами Таня.

– Как это любые? – удивилась девушка. – Мне нужно, которые мне самой нравятся, раз такая возможность выбора есть.

Таня изобразила недоумение на лице и развела руками.

– Что-то пока ничего не нашла. Почитала, может уляжется? – она посмотрела на телефон, который держала в руках и положила его рядом. – Слушай! – вдруг всплеснула руками она. – Зато у меня такая история приключилась!

Девочка подняла указательный палец, чтобы гостья немного задержала свой рассказ и старательно взбила подушки, чтобы можно было слушать полусидя.

– Перед Рождеством меня знакомая позвала в храм, чтобы помочь убрать перед праздником. Чтобы не тащить одежду для переодевания, я постаралась на себя нацепить что-то попроще. Мне же не красоваться и женихов там искать, а убираться нужно было. Поэтому я надела свою черную юбку, ну ты сто раз ее видела, коричневую удлиненную кофточку и сверху безрукавку, чтоб спину не надуло. А еще тонкий бежевый платок повязала так, чтобы волос совсем не видно было. И сапоги старые, которые я еще хотела на дачу отвезти, да так и не отвезла. В общем к обмундированию я подошла серьезно. – засмеялась она.

– А храм этот далеко от тебя? – поинтересовалась девочка, представив Юлю, которая сидела сейчас в тонком трикотажном фисташковом платье и такого же цвета плотных колготках.

– А нас на машине туда отвезли. – пояснила та.

Таня кивнула головой и показала, что внимательно слушает собеседницу.

– Так вот, мы целый день там убирались. Хотя народу было много, но и работы хватило на всех. Я вымыла два окна, потом вдвоем с какой-то женщиной мыли купальню содой, потому что химией нельзя – там деток крестят, а потом мне дали швабру и надо было мыть пол, потому что чистили и мыли все-все-все и на полу грязь была как на ступеньках в метро. Я как-то быстро к этой швабре приоровилась, так что мыла, мыла и мыла. И вот уже под вечер мыла как раз у входной двери. Люди открывали ее, видели, что я мою, и аккуратно проходили боком. И тут в очередной раз открывается дверь, входит пожилая женщина в сером пальто с воротником типа бобрика и говорит мне: «А, Вы кто? А Вы вообще православная? Да, Вы себя вообще в зеркало видели?» Я никак не могла понять, что этой женщине нужно от меня, и как можно спокойнее попыталась выяснить, что ей нужно? Она презрительно посмотрела на меня, и прошла за свечками. Я в это время продолжала мыть пол. Через минуты три я уже снова была на середине храма, а она, присев на скамеечку, которая от меня находилась метрах в трех, громким хорошо поставленным голосом снова обратилась ко мне. Типа: «Эй, ты, иди сюда, и сядь около меня.» Я поинтересовалась, зачем я это должна сделать. Она снисходительно посмотрела на меня и сказала, что может хочет меня пригласить в гости. И смотрела она на меня так, что вспоминалась фраза, что у нас с семнадцатого года господ нет. Я, чтобы не затевать смуту в храме, снова попыталась выяснить, что же она от меня хочет? Она снова попыталась уколоть меня моим не славянским, в ее понимании, видом. На что мне очень хотелось расхохотаться, но это не то место, где я смогла бы поиграться в гастарбайтера. Поэтому я сказала ей, что если она пришла в храм молиться, то никто ей не мешает в этом, и обратилась к ней: «Матушка.» Видно, это обращение совсем сбilo ее с толку. В ее понимании гастарбайтеры, которые моют полы, не знают таких слов, и она, покривившись от этих слов, почти сразу же удалилась.

– Почему она решила, что ты не православная? – Татьяна сидела с вытаращенными глазами.

– Видно человек совсем – совсем не знает, что происхождение и вера это разные вещи. – весело рассмеялась девушка. – Она, наверное, раньше большим начальником была, попыталась и тут покомандовать, а у нее ничего не вышло. Да еще и не поняла, наверное, что не в ближайший магазин зашла, а в храм.

– Тебя нерусской обозвать? – возмущенно прошептала девочка.

– Я потом ооочень смеялась, – поправляя белокурые волосы, произнесла гостя, – хотя там мне было не по себе, потому что я боялась, что неправильно поведу себя, и снова будут говорить, что в храмах уборщицы всех выгоняют.

– Ты бы сказала ей, что бесплатно убираешься, и чем командовать, лучше бы помогла. – у Тани щеки горели от возмущения.

– А зачем, Танюш? – пожала плечами Юля. – Она знала куда идет, и если она так себя ведет, то скорее всего очень одинока. Зато теперь я понимаю, как людей унижают просто так, и если надо будет, то смогу это сыграть. – задумчиво произнесла она.

– И почему бабки такие противные бывают? – передернула плечами девочка.

– Ну, не все же? – возразила ей собеседница.

– Нет все, но много.

– Ну? прости их, Тань. – пожала плечами девушка. – Старость, болезни – не самое лучшее в жизни.

– Но ведь некоторые и в болезни такими не становятся! – у эмоциональной девочки на глазах выступили слезы, и она посмотрела на портрет.

– Не все. – согласилась Юля. – Многие просто годами живут-коптят свои жизни, и эта копоть так въедается, что уже за ней и ничего не различишь и видишь все только в черном свете. А другим не нравится смотреть на мир в закопченное окно, и они стараются с этим бороться, и видят там и солнышко и зеленую траву.

– Только вот эти хорошие меньше живут. – насупилась Таня.

– Ну, нет, – не согласилась девушка, – я так не считаю. Видела прекрасных пожилых людей, которые не растеряли за многие годы своей детской чистоты и прожили, да и продолжают жить, помогая своей мудростью и светлым примером многим. У всех своя судьба.

– Судьба, судьба. – проворчала девочка. – Кто-то здоровый как конь бегают, а я тут валяюсь с температурой.

– Вот если ты будешь ворчать, так постоянно и будешь болеть от этого. – улыбнулась девушка. – Бабушка-то твоя любимая и во время болезни так, наверное, не ворчала.

После этих слов Таня поджала губы, снова посмотрела на портрет, и надувшись начала рассматривать свои ногти.

– И по твоей логике я тоже должна сейчас сидеть и ныть, потому что у меня на ушах аппараты. – развела руками Юля.

– Прости. – нехотя прошептала Таня, исподлобья взглянув на крестную. – Тебя не хотела обидеть.

– А ведешь иногда, как те самые бабки, которых ты осуждаешь. – покачала головой крестная.

– На-до-е-ло бо-леть. – прошептала девочка, еле сдерживая слезы.

– Ну, не плачь.. – Юля понимающе кивнула. – А то, глядя на тебя, вспоминаешь стишок про Нашу Таню...

Девочка только поморщилась от этих слов.

– Все-время мне его напоминают. – пробурчала она.

– А я, пока искала свои стихи, наткнулась на подражание как бы Тютчевым.

– Тютчевым? – переспросила девочка.

– Ну, помнишь стихотворение. – она взяла телефон, и заглянув в него, начала декламировать, —

– Ну, помню.

– А тут есть ему подражание на тему «Уронила Таня мячик.» – она снова заглянула в телефон, и продолжила свое выступление перед единственным зрителем. —

Девочка за время выступления немного оттаяла, и концу прочтения, уже улыбалась, незаметно постукивая ладонью в такт стихотворению.

– И не ветренная я совсем. – кокетливо наматывая на палец длинный локон произнесла она.

– Ну, есть немного. – расхохоталась Юля и, вскочив, обняла девочку.

Таня, отбиваясь, беззвучно смеялась, морщила нос и показывала язык.

После непродолжительной борьбы, было объявлено перемирие, и Юля ушла на кухню.

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит...
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит...

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный—

Все вторит весело громам...

Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила!

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Пугает деву в голубом...

Вдали уж слышатся раскаты,
Дождь брызнул – мяч из рук летит,
И неожиданно и странно,
В откос на озеро уж мчит.

С горы бежит проворно Таня,
И по лицу слеза течет,
И никого уж нет в тумане
И не аукнется никто...

Ты скажешь: ветренная Таня!
Смотрела вверх, расслабив рук,
И не ждала того обмана,
Когда скатился вниз твой друг.

Не плачь, Танюша, мы поможем!
Привстав, окинем все кругом,
И отягченный уж водой
Твой мяч вернем тебе....Вернем!

5. Мечта

За окном падали редкие снежинки, но промозглая серость никуда не уходила, и поэтому можно было не надеяться на чудесное преобразование природы после наступившего Рождества.

«Когда все обволакивает серостью, то совсем нет никакого настроения. – вздохнула девочка, и с сожалением посмотрела на лампочки развешанные на окне. – И зачем я их вообще вешала? – приподняла она чуть вверх одну бровь. – Ведь не маленькая уже, а маме точно этого не нужно. Ведь самый главный подарок для меня мы должны были выбирать только сейчас.»

– А ты у нас останешься? – посмотрела она на Юлю, когда та заглянула в комнату.

– А Нюша как же? – вздохнула та, прижавшись к дверному косяку.

– Может соседка покормит? – просипела девочка.

– Я же ключи ей не оставляла.

Таня приподняла вверх плечи и резко опустила их вниз, обреченно взглянув на собеседницу.

– Нюшу тоже нельзя бросать. – с укором ответила девушка.

Таня снова вздохнула и кивнула в ответ.

– Надо было ее с собой привезти. – постучала она указательным пальцем себя по лбу, показывая не сообразительность крестной.

– Ага! На одну ночь. – покачала отрицательно головой та. – Да, еще мне завтра по делам нужно с утра.

– А я бы с ней играла. – Таня покачалась из стороны в сторону.

– Купите себе кошку и будешь с ней играть. – спокойно ответила Юля.

– Может мы собаку купим. – пожала плечами девочка.

– Так Настя сказала, что не будет по утрам с ней гулять.

– А мы может маааленькую. – Таня показала руками размер небольшой собачки. – Чтоб в лоток могла ходить. Мы решили поехать и посмотреть.

– Так надо заранее решать кого брать-то. – чуть недовольно проговорила девушка. – То кошку хотите, то собаку. Вы уж определитесь, а потом езжайте.

– Я за собаку. – улыбнулась девочка. – Только мама не верит, что я с ней гулять каждый день буду.

– И правильно делает. – рассмеялась гостя. – Ты вон постоянно болеешь. Так что ты пока не надежный товарищ для собачьих прогулок.

– А померанцевых шпициков не нужно выгуливать. – снова покачалась из стороны в сторону девочка, взглянув победно на собеседницу.

– Ха-ха! – картинно развела руки девушка. – Только они и стоят не три копейки.

– А может нам повезло бы? – поморщилась Таня и, прищурив глаза, внимательно посмотрела снова на крестную.

– Нет, ну бывает. – пожала плечами та. – Это все твои пожелания были? А то ведь и моя доля оплаты твоего подарка там была? – усмехнулась она.

– А из кошек мне девон-рексы нравятся и селкирк-рексы. – прошептала девочка. – Они такие мииииилые. – потрясла она кулачками перед собой, будто хотела похлопать в ладоши. – Ми-ми-мишные....

– Понятно. – снова как и прежде развела руками девушка. – Губа у тебя, солнышко, не дура.

– Я не дура. – насмешливо ответила та.

– Конечно. – согласилась Юля. – И выбор неплохой. Вот только денежек это все стоит немало. Может лучше найти бездомного друга в приюте или на передержке?

– Не ха-чу! – возразила девочка. – Я и от день рожденьского подарка отказалась, и от новогоднего, и от рождественского, и только для того, чтобы у меня появился такой красивенький дружок. – она снова потрясла кулачками перед собой.

– Нуууу, красивенькие дружочки могут и не стать друзьями. – попыталась возразить Юля. – Будет у тебя звезда, а не собачка, и сама как собачка взвоешь. – чуть усмехнулась она.

Таня скривила рот и насупилась.

– Хачу хаааарошенького. – еле слышно произнесла она.

– Не зря тебя Настя осликом иногда называет. – не выдержала и рассмеялась девушка. – Ооочень на него сейчас похожа.

– Бе-бе-бе. – Таня высунула язык. – Мне говорить тяжело, а ты еще дразнишься.

– Прости-прости. – подбежала к ней Юля и поцеловала в макушку. – Бедная больная девочка. Надо ж скорее тебя бульоном кормить!

Девочка искоса посмотрела на нее, но промолчала.

– Вкусный хоть? – после секундной паузы поинтересовалась она.

– Прекрасный! – Юля подняла руки вверх, посмотрев при этом в потолок, а потом с жаром продекларировала. —

– Браво. – шепотом произнесла девочка, улыбнулась и захлопала в ладоши. – Только у нас бульонной чашки нет. Мне мама в кружку большую наливает.

– Значит она будут теперь бульонной чашкой. – подняла указательный палец вверх Юля.

Таня только кивнула в ответ.

Девушка переставила с подноса на стол термос и миску с мандаринами, и вскоре там стояла большая кружка с бульоном, а рядом маленькая тарелочка с поджаренными гренками.

– Может захочешь? – указала на них взглядом Юля.

Таня посмотрела на нее и поморщилась.

– Бульон. – коротко ответила она.

– Я сейчас тоже супчик себе принесу. – теперь отодвигая кресло к столу, произнесла девушка. – Вермишель кинула, и суп готов! – развела она руками.

Таня в это время уже отпивала маленькими глоточками бульон.

– Ох, хорошо. – вытирая выступившие слезы от горячего, прошептала она.

– Потом чайку? – предложила девушка.

– Пока нет. – вздохнула Таня. – Выпью и посплю. А ты уж без меня чай пей.

– Тогда здесь суп, потом на кухне чай. – подвела итог Юля.

Девочка не ответила, потому что от горячего ей стало жарко, и пот катился с нее градом.

– Полотенце дай, пожалуйста. – жалобно посмотрела она на девушку.

– Потеть во время болезни это хорошо! – сказала та, и выполнила просьбу девочки.

Когда она вернулась в комнату с тарелкой супа, то Таня уже обессиленная лежала навзничь, и вытирала лицо полотенцем.

– Все выпила? – удивилась она, увидев пустую кружку.

Девочка осоловелыми глазами посмотрела на нее, и завернулась в одеяло как в кокон.

– Гусеничка моя. – улыбнулась Юля. – Чтобы после сна была здоровой бабочкой. – погрозила она пальцем крестнице.

Та попыталась открыть глаза, но не смогла и тут же заснула. Сон ее был глубоким, но не очень долгим, потому что она вся пропотела и проснулась от того, что ей было неприятно лежать в мокрой постели.

– Мокро. – прошептала она. – появившись на пороге кухни, закутавшись в одеяло.

– Рубашку принести? – вздохнула Юля, которая только собиралась пить чай.

– И всю постель. – девочка обиженно выпятила нижнюю губу.

Девушка встала и прошла в комнату.

Уже через полчаса Таня сидела на чистой постели и расчесывала волосы, чтобы собрать их в хвост.

– Ну? – посмотрела на нее Юля, когда вернулась в комнату.

– Ненавижу болеть! – сделала страшное лицо Таня.

– Что делать? – развела руками девушка. – А ведь есть дети, которые очень-очень долго и много болеют. – вздохнула она.

Таня молчала, всем видом показывая свою обреченность.

– Не вредничай. – посмотрела на нее Юля. – Подумай, каково детям, которые больны раком.

После этих слов девочка вжала голову в плечи и испуганно посмотрела на крестную.

– Им приходится принимать свою болезнь, выполнять назначенное лечение, и не унывать как некоторые. – Юля внимательно посмотрела на девочку.

– Я не унываю. – почесала нос та, отвела взгляд в сторону. – Зачем детям такие болезни? – подперла кулаком щеку девочка.

– Не знаю. – искренне ответила девушка. – Наверное, чтобы все остальные ценили жизнь. Настя говорила что болезнь часто дается не одному болящему, а и всем тем, кто в его окружении.

– Ага! – подняла палец вверх девочка. – Значит я болею и для вас тоже! – хитро взглянула она на девушку.

– Ага. – кивнула в ответ девушка. – Когда буду играть капризную принцессу из «Двенадцати месяцев», то обязательно тебя вспомню!

Таня сморщила нос, тяжело вздохнула, приподняла ногу и покачала ею. Потом посмотрела внимательно на Юлю, снова вздохнула, махнула рукой и пересела поближе к подушкам.

Я помню чудное мгновенье,
Когда бульон просила ты,
И к супу было то стремленье,
Щи не хотела видеть ты!

И температуру мы не в силах,
С тобою просто так прогнать.
Ведь для борьбы нужны нам силы!
Бульон прекрасный может дать!

Шло время, и бульон уж сварен,
Он дожидается тебя,
Я принесу в бульонной чашке,
Чтоб не плеснуть бы на тебя.

6. Блин комом

Во время короткой передышки, перед тем как снова заснуть, Таня предложила свою помощь в поисках нужного произведения.

– Может что-то про погоду?

прошептала девочка, заглядывая в свой телефон.

Юля обреченно на нее взглянула и предложила свой вариант.

проникновенно прочитала она первые строки.

– Или это?

еле слышно произнесла девочка.

– Погода точно влияет на наше настроение. – вздохнула Юля, поглядывая на серость за окном.

– Такие поэты писали про любовь? – обреченно посмотрела на девушку Таня.

– Ой, а у него-то паааално! – воскликнула та, и махнула рукой. – Все его жены и женщины были его же музами.

– И много у него их было?

– Ну, не очень. – улыбнулась в ответ Юля. – Дело в том, что тогда трудно было получить развод, и поэтому нередко пребывая в браке, на самом деле люди жили совершенно другой семьей. Хотя не официальные дети все-равно считались незаконнорожденными и не имели права на наследство.

– А дети-то в чем виноваты? – возмущенно покачала головой девочка.

– Ну, это сейчас уже люди, которые по каким-то причинам разводятся, стараются, чтобы дети при этом не пострадали, а раньше это были прописанные правила, которые очень трудно и тяжело поддавались изменениям.

– И что у этого Тютчева были такие дети?

– Дочь и один сын умерли в детстве, а старший хоть и назван был Федором в честь отца, но нес все тяготы незаконнорожденного, от которого после смерти матери отец держался в стороне.

– Умерли дети? – глаза Тани были наполнены ужасом.

– Раньше так часто бывало. – пожала плечами Юля. – Детей рождалось много, но и болезней, которые еще не научились вылечивать, было больше, чем нужно.

– Я бы вот так тоже могла умереть. – выдохнула девочка.

– Если сидела бы так и кисла, то наверняка. – с легкой усмешкой произнесла девушка.

– А со старшим-то что было? – продолжала Таня раздумывать о горькой судьбе незаконнорожденных, предварительно скорчив в ответ смешную рожицу.

– В пятьдесят шесть лет умер от ран, полученных на фронте.

– Это он в пятьдесят шесть лет воевал что ли? – изумилась девочка. – Неплохое у него видать здоровье было. Ну, хоть в чем-то повезло. – успокоилась она.

Юля посмотрела на девочку и улыбнулась.

– И много стихов у Тютчева о любви? – пролистывая в телефоне стихи? поинтересовалась девочка.

– По тем временам хватает. – потянулась собеседница. – Тогда ж компов и гаджетов не было, и писать и править приходилось на бумаге.

– Да ты чёеёеё? – насмешливо произнесла девочка и беззвучно рассмеялась.

– И даже авторучек еще не изобрели. – в ответ рассмеялась Юля.

– Бедные. – покачала головой Таня. – И как они жили-то?

– И жили, и любили, и детей растили, и прекрасные произведения создавали. начала проникновенно декламировать Юля.

- добавила она, хитро поглядывая на девочку.
- Там такого нет! – потрясла кулачком Таня, заглядывая к себе в телефон.
 - Упс. – развела руками девушка. – Неудачка. – рассмеялась она. – Совсем-совсем нет?
 - Совсем-совсем! – принимая игру и грозя пальцем крестной, произнесла та.
 - Виновата. – наигранно жалостливо произнесла Юля и, утрированно вздохнув, опустила голову.
 - Я тебе! – снова погрозила девочка пальцем. – Человек старался, писал кому-то... А кому? – вытаращила она глаза.
 - Много-много лет спустя (почти сорок), своей первой любви, которой не разрешили выйти за него замуж.
 - Прямо Ромео и Джульетта. – фыркнула девочка.
 - Они были постарше. – рассмеялась девушка.
 - Но стихи он ей писал?.. – прищурилась Таня.
 - А то.. – развела руками собеседница.
 - Как все запущено. – покачала головой девочка. – И главное, не разберешь, кто когда кого любил. – она возмущенно потрясла головой.
 - Ох, уж эти поэты! – покачала головой Таня.
 - Ну, он хоть поэт был, – засмеялась девушка, – ему без влюбленности никак.
 - Дааааа? – поморщилась девочка. – Совсем-совсем? Это ж так ужасно! – передернула она плечами.
 - Это почему это? – поинтересовалась Юля
 - Ой! – недоверчиво покачала головой девочка. – А ты не влюблялась? – хитро взглянула она на собеседницу.
 - Та в ответ только рассмеялась.
 - Ты так говоришь, как будто сто раз влюблялась, да все неудачно? – посмотрела она на девочку.
 - Та сморщилась и закусила губу.
 - Один раз было. – горестно вздохнула она и покачала головой.
 - В первом классе что ли? – стараясь поддержать разговор, который обычно бывает между подругами, а не старшим и младшим поколением.
 - Нуууу, нет. – обиженно выпятила Таня губу. – В первом классе мне Юрка Борискин нравился, который впереди меня сидел, и всегда смешил меня. А на собрании его маме потом всегда говорили, что учитель видит только его затылок.
 - Отвлекала мальчика от учебы значит. – подвела итог Юля.
 - Неа! – возразила Таня. – Он сам!
 - У девушки во взгляде читалась ирония, но она сдержалась и промолчала.
 - Так вот! – девочка подняла указательный палец вверх. – Я же этим летом влюбилась! – доверительно произнесла она.
 - Говорят, что обычно влюбляются весной. – подмигнула Юля. — рассмеялась она.
 - Ну, и как ты? – обратилась к ней Таня.
 - Да, как-то по-разному бывало. – улыбнулась та.
 - Эх! – махнула рукой девочка. – А у меня значит первый блин комом... Не весной. – беззвучно рассмеялась она. – Только ты не думай, – через минуту продолжила она, – это мне сейчас смешно, а тогда я даже плакала.
 - О! – махнула рукой собеседница. – Так это у всех так.
 - Он был такой красивый. – вздохнула девочка.
 - На море что ли познакомились? – как можно корректнее спросила девушка.

– А ты откуда знаешь? – посмотрела на нее девочка. – Мама все рассказала? Я же ее просила никому не рассказывать.

– Неа, не мама. – пожала плечами Юля. – Просто все очень просто. Вы ездили на море, там все такое солнечное романтичное, и все кто там встречаются, кажутся тоже очень красивыми.

– Как все просто. – фыркнула девочка.

– Ой, ты думаешь у меня такого не было? – засмеялась собеседница. – Оооох. – вздохнула она.

– И? – внимательно посмотрела на нее девочка, ожидая хоть какой-нибудь истории.

– Ну, не знаааю. – пожала плечами Юля и взяла телефон, который в это время зазвонил.

– Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды —

– Осенней поздней порою
Люблю я царскосельский сад... —

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит... —

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я встретил время золотое—
И сердцу стало так тепло... —

– Зимой ранней порою,
Бывают дни, когда дождь льет,
И уж от сырости порою
Теперь уж сердце не поет... —

– Прекрасный дар ему с небес,
Был дан не просто так.
Ведь не гранит, не бриллиант,
Не ловелас, не франт.

Он чудный веер слов имел,
Играя ими в такт,
И опухалом этим мог,
Палитру чувств поднять.

От боли к песне он умел,
Вести свои стихи,
Как дуновеньем ветерка,
Любовью оплести.

Словами вязью рисовал,
А мог другой взять слог,
Но только этих слов река,
Без музыки – не поток.

И как хотелось бы понять,
Кого зачем любил?
Не суждено нам все принять,
Хоть он поэтом был. —
прочитала Юля в своем телефоне.

Природы трепетный расцвет,
Все принимают как завет,
Чтобы томленьем запастись,
И хошь-не хочешь, но влюбись.... —

7. Первая любовь

Когда Юля говорила по телефону, Таня, прислушиваясь к разговору, пыталась понять о чем та говорит с ее мамой. Она корчила рожицы, изображая заинтересованность происходящим, но девушка только отмахивалась от нее рукой.

– Какая ты нетерпеливая. – возмущенно произнесла Юля, когда закончила разговор.

– Нууу, мне же хочется узнать, о чем Вы с мамой говорите? – надулась девочка. – Я тут болею, без голоса сижу, даже поговорить не могу, а они там сплетничают! Обо мне конечно. – она демонстративно сложила на груди руки крест на крест и насупилась.

– Настя сказала, что ей дали телефон какого-то чудесного врача, и она уже на завтра его вызвала.

– Он мужик что ли? – поморщилась девочка.

– Почему? – вытаращила глаза девушка.

– Сама сказала: Она его на завтра вызвала. – пояснила Таня.

– Его-врача! – выдохнула Юля. – Ну, не врачиху же! – всплеснула она руками.

– Надо было говорить – ее! – с возмущением прошептала девочка.

– А! – махнула на нее рукой собеседница. – Не придирайся!

– А я уже испугалась! Бррррр! Не люблю мужиков врачей.

– А ты их много видела? – поинтересовалась Юля, пытаясь понять возникновение такой стойкой неприязни.

– Нуууу... – задумалась Таня. – Парочку. Но, все равно не люблю! – добавила она громким шепотом, заметив ироничную улыбку на лице девушки.

– То-то я удивилась, откуда в наших детских поликлиниках вдруг толпы врачей мужчин?

– А один раз мы к ЛОРу такоооому попали, и он каааак залез своими ручищами через рот в нос! У меня даже кровь пошла, а мама сказала, что мы к нему больше не придем.

– Мама была права, наверное.

– Как вспомню, так холодный пот по спине. – Таня вздрогнула.

– Ну, это же в прошлом, и понимаешь же что врачей много, и среди них могут оказаться не те.

– Угу. – проворчала девочка. – Не те, не там и не за тем.

– Мне-то как раз везло на врачей. – пожала плечами Юля.

– На мужчин? – поморщилась девочка.

– Ну, и мужчины были. – задумчиво проговорила Юля, пытаясь вспомнить своих врачей. – Но все как-то хорошо ко мне относились.

– Может из-за слуха? – попыталась найти оправдание хорошего отношения докторов к девушке.

– Может. – согласилась та. – Хотя я ж в аппаратах все-все слышу. Это как у других с очками. Надеваешь-видишь, снимаешь-не видишь. А вот если они пропадууууут! Тогда это ка-та-стро-фа! Тогда легче будет тем, кто все это время жил без аппаратов, и привык жить в тишине.

Девочка задумалась.

– А если без аппаратов, то речь была бы хуже. – вздохнула Юля. – Сразу бы все видели, что ты не слышащий.

Таня почесала затылок.

– Ладно. – кивнула она головой. – Лучше пусть иногда мне встречаются неважные врачи, но я не буду.. – она задумалась, чтобы подобрать слова, которые бы не обидели девушку.

– С аппаратами я не инвалид. – поняла ее без слов та и улыбнулась.

– Так кто завтра зая-вится? – Таня вдруг икнула.

– Не знаю. – пожала плечами девушка. – Какой-то гамипат. – развела она руками и посмотрела на Таню, которая пыталась набрать в воздуха и не дышать, чтобы остановить икоту. – Воды?

Та кивнула головой.

Пока Юля отсутствовала, Таня надувала щеки, зажимала себе ладонью рот и нос, потом взмахивала руками, выдыхала и снова вдыхала, но не удерживалась и каждый раз во время этих манипуляций икала, хотя эти звуки выходили какие-то грудинные, и казалось, что икает не тоненькая тринадцатилетняя девочка, а рослый парень.

– И голос откуда-то берется. – улыбнулась Юля, когда входила в комнату.

Таня только протянула руку за стаканом воды, и потом, не отрываясь, выпила все до капли и прислушалась к себе. Вода, казалось, не хочет опускаться и застряла где-то на уровне груди. Тогда она потихонечку начала вдыхать воздух и снова задерживать дыхание.

Юля наблюдала за всем этим процессом и дожидалась, спрашивая только взглядом, нужно ли принести еще воды.

Таня снова потихоньку вдохнула, и уже облегченно выдохнув, вымученно улыбнулась девушке.

– Вроде все. – прислушиваясь к своему организму, произнесла она.

– Может чаю? – предложила Юля.

– Только без малины. – помотала головой Таня.

– Пирожное хочешь?

– Лучше гренки твоих погрызу.

– Не вопрос.

Вскоре Таня шумно отхлебывала из большой кружки, в прикуску с маленькими сухариками.

– Ох, хорошо. – выдохнула она. – А бабушка большие жарили, только сначала макала их молоко. Фу, я не очень любила это.

– Зато она пирожки вкусные пекла. – заметила девушка.

– Даааа. – вздохнула Таня. – Мама редко делает. Говорит, что сама от них как пирог пухнет, а мне одной не часто перепадает.

– Ой! – покачала головой Юля. – Не жалуйся, Настя часто что-то печет. Заелась ты.

Таня насупилась и посмотрела исподлобья.

– Вот будет у меня дочка, всегда буду ей пироги печь.

– Тебе уже почти четырнадцать! – подняла указательный палец вверх Настя. – Сама бы уж могла что хочешь печь, а не ждать когда мама тебе это сделает.

Таня выпятила губу и прищурилась.

– Тринадцать. – прошептала она, как можно четче.

– Ага. – кивнула девушка. – Три месяца быстро пролетят.

– Не три, – фыркнула на нее девочка, – а три с половиной. – чуть помедлив, загибая пальцы и считая в уме, добавила она.

– Неважно! – покачала головой собеседница. – Раз влюбляться пора пришла, так и нечего на маму кивать, что она тебя не тем кормит. Сама-сама.

– Ох, ты какая вредная! – возмутилась Таня. – Я тебе, а тыыыы..... – отвернулась она к стене.

– Я просто говорю, что ты уже не маленькая. – не обращая на капризы девочки, произнесла Юля.

Таня повела плечом, продолжая громко грызть гренки.

– Да, да! – продолжала гнуть свою линию собеседница. – Пришла пора она влюбилась, а печь пирог не научилась.

– Вредная, вредная, вредная! – повернулась девочка и ткнула в сторону девушки пальцем.

– Против правды не пойдешь. – развела руками та.

– Ну, хорошо. – вздохнула Таня. – Я и сама уже думала, что может самой попробовать испечь.

– Испечешь, меня позовешь. – доброжелательно произнесла девушка.

– Не позову. – пробурчала девочка. – Ты мне обещала рассказать про свою первую любовь, а сама дразнишься.

– Я не дразнюсь. – покачала головой Юля. – Просто га-ва-рю. Про первую любовь? – переспросила она.

Таня в ответ молча кивнула, поставила чашку и, устроилась поудобнее, всем своим видом показывая, что она готова слушать душещипательную историю о любви.

– Первую любовь я в бассейне встретила. – вздохнула она. – У него были тренировки в это время, а я с твоей мамой просто приходили поплавать. Он был как Аполлон.

– Кучерявый? – искоса посмотрела на Юлю девочка.

– Неее. – возразила та. – Ну, фигура у него была как у Аполлона. – пояснила она. – А так он был коротко-коротко подстрижен. Чтоб сушить быстрее, да и шапочку проще надевать. Я-то со своими длинными волосами ужас как мучилась.

– Ну? – с большой заинтересованностью обратилась Таня. – Дальше то что?

– Дальше? Ну, мы туда целый год ходили.

– И?

– Вот целый год я по нему и вздыхала. Думала, придет весна, и он заметит как я шапочку снимаю, волосы распускаю, и влюбится. Даже проходить мимо него не могла, все замирало.

– Влюбился?

– Неа. – покачала головой девушка. – Не успел. Еще зимой начал кого-то ожидать у выхода. А я еще всю весну обмирала, когда видела его.

– А потом?

– А летом я уехала в Германию, и увидела его только осенью. Он стоял и ржал над чем-то как конь. Такой громадный конь. – печально добавила она, но потом не выдержала паузы и рассмеялась. – Смена места очень часто вылечивает от ненужных привязанностей. Недаром раньше от ненужной любви, дворяне уезжали на воды.

– Мдаааа.. – протянула Таня. – И что часто вот так бывает, что не в того?

– Судя по классике – да. – развела руками девушка.

– Ага, сейчас ты мне будешь говорить о письме Татьяны. Слышала – слышала, хотя и не читала. – показала язык девочка.

– Может сейчас справишь? – встала Юля, и подошла к книжному шкафу.

Таня поморщилась.

– Я достану, положу, а ты уж сама решишь. – решительно произнесла девушка и потянулась за книгой.

8. Потоп

Пышные наряды и прически дам приковывали к себе взгляд, кавалеры тенью двигались за ними, сливаясь в одну серо-черно-белую массу. Хотя присмотревшись, можно было заметить, что мужчины хоть и не выставляли себя на показ, но были теми лампочками вокруг которых порхали дамы-мотыльки. Кто-то стоял в гордом одиночестве, а иные собирали вокруг себя множество особ, которые не сводили восторженного взгляда со своего предводителя.

«И кто же из них Онегин? – пыталась разобраться Таня, наблюдая за этим действием, хорошо понимая, что она снова находится во сне. – Где тот, за которым подсматривал Пушкин?» – девочка вздохнула, раскачиваясь в такт танцующим парам, пытаясь представить себя в таком красивом, но неудобном как ей казалось наряде. – Прячется. – решила она. – Знает, что я тут его разыскиваю и спрятался в тень.»

– Таня! – вдруг позвал ее женский голос.

Девочка попыталась обернуться, но поняла, что во сне ей это не удастся, и с трудом приоткрыла один глаз.

– Мама. – прошептала она и улыбнулась.

– Как ты под этот грохот заснула? – удивилась та.

Только после этих слов Таня услышала зубодробительный звук нескольких дрелей, который прерывался ударами то ли молотка, то ли молота.

– Здесь же невозможно находиться! – женщина с ужасом посмотрела на Юлю, которая заглядывала из прихожей. – И так целый день?

– Да нет. – помотала та головой. – Недавно такое. – она поморщилась, закрыла ладонями уши, и посмотрела вверх, будто пытаясь увидеть, что там происходит.

– Я сейчас пойду, и скажу, что у меня ребенок болеет. – покачав головой, эмоционально произнесла Настя и направилась к двери.

И только она очутилась в прихожей, так сразу наверху стихло. Какой-то подозрительный шум доносился со стороны кухни. Женщина решила посмотреть, откуда доносятся эти звуки, и увидела, как по полу льется бурная мутная река.

– Ааааа! – закричала она от неожиданности. – Что это?

Таня в одной рубашке и тапочках выскочила на помощь маме.

– Иди на кровать! – замахала та руками. – Поднимите все с пола, и сидите, ждите меня. – Это соседи. – вытаращив глаза от ужаса, выдохнула она.

Таня забралась на кровать вместе с тапочками, а Юля побежала в другую комнату, чтобы посмотреть, не льется ли там.

– Тебе надо перейти туда. – сообщила она девочке, потому что вода лила уже отовсюду с потолка и было непонятно, что за катастрофа там произошла и сколько все это будет продолжаться.

Таня сгрэбла свою постель и босиком быстро пробежала в другую комнату. Там они с Юлей передвинули диван подальше от стены, по которой стекали мутные воды. Потом девочка уже сама кое-как постелила себе и села, закутавшись в одеяло.

– Воды по колено! – сообщила Юля соседям, которые заглянули в открытую дверь.

– Там по лестнице водопад. – сообщил мужчина из соседней квартиры.

– Даже пройти нельзя. – сокрушалась Юля и заглянула в комнату к Тане.

– Там в шкафу есть резиновые сапоги.

– Твои?

– Мои и мамины.

Юля натянула на тапочки пакеты разного размера, чтобы дойти до нужного места, и достала сапоги.

– Чуть-чуть до полметра не хватает. – уже стоя в сапогах в самом центре мутного водоема, громко произнесла девушка, чтобы Тане было слышно.

– И что тут у нас? – появилась, наконец, на пороге Настя. – Ты в сапогах? Молодец! А мои видно после такого выбросить придется. – она с сожалением посмотрела на свои темно-коричневые кожаные сапоги с беловато-грязными разводами.

– Тут не одни сапоги придется выбрасывать. – указав на потоки грязной воды, которые стекали по стенам, произнесла Юля.

Настя молча осматривала на рушившуюся квартиру.

– Так че там? – заглянул снова сосед.

– Трубу они там снесли. – выдохнула Настя. – Я поднимаюсь и вижу картину маслом, как один стоит по колено в воде посередине пустой квартиры, заваленной строительным мусором, который там образовался, а другой стоит около унитаза и черпает ковшиком оттуда воду, которая хлещет потоком из снесенной напрочь трубы.

– Ковшиком? – переспросил сосед.

– Угу. – подтвердила женщина. – Кафка отдыхает. – усмехнулась она.

– Я уже звонил в ЖЭК, они сказали, что другие соседи позвонили и уже воду перекрыли.

– Ну, хоть других может не так зальет. – вздохнула Настя.

– Но по лестнице пока течет.

– Там еще много. – показала она пальцем вверх.

– А грязная какая. – поджала губы Юля.

– Так ремонт-то в пустой квартире, поэтому строительный мусор им не мешал. – тяжело вздохнула женщина. – Весь ужас в том, что они даже не знали как и куда звонить в такой аварийной ситуации. А телефон хозяйки они мне не сказали.

– И что теперь делать? – сжалась Юля. – Тут же от квартиры ничего не осталось.

– Сейчас посмотрю что на кухне, и пойду дальше разбираться. – вздохнула женщина.

Юля пошла следом, чтобы произвести полный осмотр.

– Ах! – почти одновременно произнесли обе.

– Что это? – вытаращила глаза девушка, рассматривая провисший почти до обеденного стола натяжной потолок, в котором скопилась вода.

– Вода. – выдохнула Настя.

– Везде. – добавила Юля, осматривая как стекает по стенам и мебели потоки грязной воды.

– Угу. – только хмыкнула женщина. – Хорошо хоть в туалете плитка. – выдохнула она, осматривая ванну и туалет.

Юля только вздохнула.

Только Настя хотела осмотреть комнаты, как везде в квартире погас свет.

– Это у нас или во всем подъезде? – крикнула она соседу, который периодически появлялся из своей квартиры.

– У меня тоже нет. – сообщил он. – А на лестнице горит.

– Интересно внизу есть или нет. – выдохнула женщина и, попросила Юлю, чтобы та посидела возле Татьяны, пока она выяснит в чем там все дело.

– Что же мы будем делать? – шепотом спросила девочка крестную, которая включила фонарик на телефоне.

– Ко мне поедет. – пожала руку девочки та. – Не можете же вы тут спать! – возмущенно добавила она, поглядывая на пол, который покрывал десятисантиметровый слой воды.

От волнения Таня даже не чувствовала, болит ли у нее горло или нет. Больше всего она переживала за маму, которой сейчас приходится искать ответственных в этой ситуации.

– Дураки! – не выдержала и фыркнула Юля, посматривая наверх.

Девочка была согласна с тем, что умными этих людей трудно было назвать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.